Владимир Степанович Мясников
доктор исторических наук,
академик РАН

О БЕДНОЙ НАУКЕ ЗАМОЛВИЛИ СЛОВО...

Существование и развитие науки во многом связано со становлением академического сообщества и академий как научных учреждений. От платоновской академии до становления в Европе в XVI—XVIII веках художественных, а затем и научных королевских и императорских академий прошло почти две тысячи лет.

Ещё в Древнем Риме политики осознали, что у объединявшейся в первые академические союзы интеллигенции есть некая особенность. Латинское intelligens означает *понимающий*. Понимающие связь времен, нравственную сущность власти и драматизм положения народа, чуждые конформизму и сострадающие народу — таковы были первые представители интеллигенции. Власть имущие всегда стремились преодолеть нонконформизм интеллигенции и поставить ее в услужение не народу, а себе. Меценат отнюдь не бескорыстно покровительствовал молодым Вергилию, Горацию и Проперцию, он пытался оказывать влияние на их творчество, чтобы они прославляли Августа и созданный им режим. И такая политика порой приносила свои плоды. Среди художественной интеллигенции нашелся ведь некто, создавший скульптурный портрет Августа в позе Зевса.

«Прикармливание» интеллектуалов принимало различные формы. В средневековом Китае знаменитый поэт-вольнодумец и член императорской Академии Ли Бо (701—762) получил от императора Сюаньцзуна своеобразный грант. Вынужденный покинуть двор из-за «якшаний с чернью» ученый стал обладателем золотой пластины, на которой был начертан указ: «Высочайше пожаловано Ли Бо звание беспечного и свободного ученого, вольно странствующего сюцая. В любом винном заведении страны Ли Бо вправе получать вино, а в государственной казне деньги: в областном управлении тысячу, в уездном — пятьсот гуаней (связок в тысячу монет. — *В.М.*). Военные или гражданские чины или простолюдины, не оказавшие при встрече с ученым должного ему уважения, будут рассматриваться как нарушающие императорский указ». Но Ли Бо, как истинный интеллигент, не изменил себе и до конца своих дней продолжал выступать против многочисленных «идущих против Неба, власть его присвоивших бесчинно».

Как видим, уже не одно тысячелетие правители Востока и Запада осознают ту истину, что наука, как и культура в целом, нуждается в государственной поддержке. Чтобы получить такую поддержку, ученым приходилось разъяснять, что такое наука. Не случайно, М.В. Ломоносов («Риторика», 1748), опираясь на мысль Цицерона, дал классическое определение, что «наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение в жизни, похвала юности, старости подспорье». На склоне лет К.А. Тимирязев, обращаясь к этому ломоносовскому определению, писал, что весь его жизненный опыт

свидетельствует о том, что «наука является самой лучшей, прочной, самой светлой опорой в жизни, каковы бы ни были ее превратности».

В советский период нашей истории наука имела стабильное государственное финансирование. Ее планирование сопрягалось с общими задачами народно-хозяйственного, оборонного, культурного, здравоохранительного и образовательного строительства.

Для гуманитарных дисциплин это создавало благоприятные условия для подготовки коллективных многотомных трудов: в филологии — словарей русского языка, собраний сочинений классиков отечественной и зарубежной литературы; в истории — документальных серий, летописных сводов. Когда в конце 60-х годов прошлого века начала издаваться серия документов и материалов «Русско-китайские отношения в XVII — XX веках», американские коллеги говорили автору этой статьи: «Как тебе повезло, ты можешь из года в год заниматься изданием этих документов, а у нас гранты даются на 2-3 года, и мы обязаны уложиться с нашими работами в отведенный срок».

Профессор Джон Люис, тогдашний руководитель Центра по контролю над вооружениями и разоружению Стэндфордского университета, открыл мне и одну из сторон добывания грантов: «Чтобы получить грант, — говорил он, — я рассылаю до 6 тысяч писем в различные учреждения и фонды». И это было в тот период (70-е — 80-е годы), когда возглавлявшийся им центр получал стабильное финансирование для проведения международных конференций от «Фонда Киевит».

Мистер Киевит, довольно крупный бизнесмен, оставил после себя наследство в 600 млн долларов. Причем оно было распределено следующим образом: 580 млн на поддержку науки — не облагаемая налогом часть наследства — и 20 млн «на булавки» его вдове Марджори Киевит, которая и была распорядительницей Фонда. Эта достойнейшая дама — в прошлом балерина — проявляла огромный интерес к науке, она участвовала в конференциях, вежливо отклоняя предлагавшиеся ей в эти дни культурные программы, организовывала научные экспедиции, непременным участником которых, несмотря на преклонный возраст, являлась и сама, даже пыталась попасть в Антарктиду и добраться до Южного полюса.

В США практикуется и целевое бюджетное финансирование, например, политологических программ. Так, при президенте Ричарде Никсоне в администрацию были приглашены ведущие американские китаеведы, которым было поручено разработать стратегию нормализации американо-китайских отношений. Чтобы эти ученые не отвлекались на побочные заработки, их зарплата была дотирована и увеличена в четыре раза. Через три года состоялся визит американского президента в Пекин, и были подписаны соответствующие документы.

Но не следует думать, что в США наука живет безбедно, по крайней мере, ее историко-филологическое направление. Так, в 90-е годы в штате Орегон начали издавать журнал «Siberica», который освещал историю и нынешнее развитие сибирских территорий России. Автору этих строк прислали первый номер для ознакомления и проведения подписки. В ответ я предложил научный обмен: за присылаемые в адрес Института Дальнего Востока РАН номера высылать редакции аме-

риканского журнала новинки отечественного сибиреведения. Но после выхода второго номера своего журнала редакция прислала мне отчаянное письмо, обвинявшее американское правительство в том, что оно не понимает значения гуманитарных программ и поэтому сокращает их финансирование. Выпуск журнала был прекращен, редакция выражала слабую надежду на то, что, может быть, удастся организовать его издание в Великобритании. Тогда же, кстати, был прекращен и выпуск на Гавайях ряда периодических информационных изданий, касавшихся Дальнего Востока России, Китая, Кореи и Японии.

Ныне и у нас бюджетная система материального обеспечения науки дополнена грантами, предоставляемыми государственными или частными фондами. И те, и другие играют существеннейшую роль.

Российским ученым «превратности жизни» помогают преодолевать государственные фонды: Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), а также и частные фонды. Например, Фонд поддержки отечественной науки, созданный и финансируемый такими видными предпринимателями, как О.В. Дерипаска, Р.А. Абрамович и А.Л. Мамут. В этом фонде есть даже специальная программа «Выдающиеся ученые России». Жюри, возглавляемое президентом РАН академиком Ю.С. Осиповым, на конкурсной основе определяет имена тех маститых ученых, которые своими трудами поддерживают высокий уровень нашей науки. Однако их все же единицы. Но, на мой взгляд, еще более важной стороной деятельности этого фонда является поддержка им молодых, перспективных научных работников и аспирантов. Здесь ежегодный счет идет уже на сотни достойных подвижников науки.

Выдающиеся научные достижения периодически отмечаются существенно увеличенными по своим суммам Государственными премиями, а также крупной международной премией «Глобальная энергия». Действует и практика награждения премиями имени корифеев различных отраслей науки в Российской Академии наук.

О частных зарубежных фондах я уже упомянул, что же касается госбюджетных фондов, то они существуют и за рубежом. Например, Фонд Японии, Фонд Кореи (в Южной Корее), Фонд Цзян Цзинго на Тайване, десятки европейских и американских фондов.

Разница между российскими и зарубежными бюджетными фондами заключается в первую очередь в выделяемых ими ученым суммах. Поскольку зарплата зарубежных ученых во много раз превышает зарплату их российских коллег, то и размеры грантов соответствуют такому же различию. Например, в Китайской Народной Республике гуманитарные разработки поддерживаются специальным фондом. Существует два типа грантов для подготовки монографий: институтские и государственные. Институтский грант равен 10 тысячам ам. долларов, а государственный — 50 тысячам. Разумеется, конкурсы очень жесткие, но и гранты стоят того, чтобы за них побороться. Кроме того, имеется специальная государственная программа возвращения из зарубежья талантливых ученых, в первую очередь в области точных и естественных наук, которым предлагаются материальные условия не хуже, а порой и лучше, чем в заграничных лабораториях.

Другим отличием российских фондов является то, что они рассчитаны на поддержку в первую очередь отечественных ученых, тогда как зарубежные фонды довольно широко предоставляют гранты и иностранным исследователям, способствуя расширению культурного обмена. Как отметила в своей инаугурационной речи 21 февраля 2000 года президент Фонда Кореи профессор Ли Ин Хо (кстати, до этого два года работавшая послом в Москве), «для процветания важно, чтобы мы помогли миру хорошенько узнать Корею, и в тоже время мы добиваемся глубокого понимания окружающего нас мира».

Возраст РГНФ насчитывает уже второй десяток лет. В связи с прошедшими юбилеями (5 и 10 лет) его поздравили Президент и Председатель Правительства РФ, патриарх и соответствующие комитеты обеих палат Федерального собрания, десятки видных ученых и общественных деятелей.

Итоги деятельности Фонда впечатляющи: изданы многие тысячи прекрасных книг, проведены сотни важнейших научных конгрессов и конференций, продолжаются экспедиционные работы; одним словом, гуманитарные науки в России подобно фениксу возродились из пепла, оставшегося к началу 90-х годов от былого идеологического и финансового патернализма. РГНФ на конкурсной основе профинансировал тысячи проектов, что явилось эффективной поддержкой государством фундаментальных и перспективных исследований. Одним из главных достижений Фонда является то, что он дал возможность гуманитарному научному сообществу России сплотиться на основе самоорганизации и сохранить важнейшие научные школы, направления, оживить многие дисциплины, без которых невозможна была бы комплексность и системность гуманитарного знания. Как отметил американский профессор Блэр Рубл, директор вашингтонского Института им. Кеннана, благодаря деятельности РГНФ «российские обществоведы и гуманитарии имеют беспрецедентную возможность самим формировать общество, в котором они живут, и заново пересматривать основные вопросы в своих дисциплинах».

Еще одним важным аспектом деятельности РГНФ являются усилия Фонда, направленные на сохранение единого научного пространства в рамках СНГ и на взаимодействие с зарубежными фондами. Так, например, в первой половине 1999 г. заключено специальное Соглашение о сотрудничестве между РГНФ и Международной ассоциацией академий наук. На основе этого соглашения осуществляется информационный обмен, книгообмен, а также проводятся конкурсы на соискание финансовой поддержки. Выделяются гранты на совместную разработку проектов российскими и иностранными учеными, например с германскими коллегами.

Но при этом Фонд постоянно работает в условиях жёсткого финансового дефицита, ситуация на заседаниях экспертных советов сводится чаще всего к решению классической задачи: как пятью хлебами суметь накормить пять тысяч изголодавшихся. Выход из положения находится благодаря тому, что в РГНФ вся финансовая власть принадлежит советам. Разумеется, секции Экспертных советов и сами Экспертные советы отнюдь не формально подходят к определению сумм, выделяе-

мых на проекты: критериями служат новизна научной идеи, объем научного задела, количественный и качественный состав научного коллектива, наличие необходимого оборудования или необходимость его приобретения для выполнения проекта, обеспеченность источниками, статистической информацией и др. При этом Экспертные советы не могут выходить за рамки квот, каждый год определяемых решениями Совета Фонда для финансирования индивидуальных и коллективных исследовательских проектов.

В дополнение к этому необходимо отметить, что экспертиза носит «многослойный» характер: каждая заявка и отчет после заключения двух или трех экспертов (обязанных дать письменное заключение по качественным характеристикам проекта, оценить его приоритетность, актуальность, новизну подходов и возможные не только фундаментальные, но и прикладные результаты) обсуждается на экспертном совете. Затем председатели экспертных советов делают аналитические сообщения на Советах Фонда, генеральный директор РГНФ выступает с отчетами на Совещаниях у руководителя департамента Правительства РФ по науке, образованию и культуре, в профильных комитетах Госдумы и Совета Федерации, у заместителей Председателя Правительства РФ. Итоги конкурсов публикуются в «Вестнике РГНФ» и в специализированных научных журналах.

Эффективность работы Фонда обеспечивается не только системой экспертизы, но и дополняющей её системой санкций — если грантодержатель отступает от требований в определенные сроки представить в Фонд промежуточные и итоговые отчеты, качество которых определяется экспертизой, то Фонд прекращает финансирование проекта. Даже при наличии удовлетворительных промежуточных отчетов, если итоговый отчет представлен после проведения Совета Фонда, то грантодержатель лишается права в течение 5 лет подавать проекты в РГНФ. Случались и попытки вместо отчета, составленного строго по форме, направить в Фонд заявки на издательские проекты, т. е. выполненные работы. Однако даже при высоких оценках такие проекты были отвергнуты из-за нарушения их руководителями отчетности перед Фондом.

Руководство Фонда не только нагоняет страх своей суровой придирчивостью, но и имеет заветный «мешок пряников» в виде созданного в соответствии с Уставом резерва дирекции для оперативного решения научных проблем. Резерв вводится в действие, когда по предложению Экспертных советов требуется индексация уже утвержденных Советом Фонда экстраординарных исследовательских проектов, выполнение которых без привлечения дополнительных средств невозможно. Решение по «добавке» к финансированию таких проектов утверждается Советом Фонда при рассмотрении Отчета об исполнении сметы расходов на текущий год.

Об эффективности РГНФ свидетельствует финансирование базовых проектов и тем в институтах РАН. Статистика показывает, что именно гранты РГНФ, а не иностранных фондов составляют для российских ученых основу дополнительного источника средств.

Итак, система РГНФ, проверенная на протяжении многих лет, себя оправдала. Нужны ли в ней какие-либо принципиальные изменения?

Думается, что нет. Это, конечно, не исключает совершенствования механизма. Но опыт работы РГНФ доказал главное — научное сообщество России может и должно развиваться при государственной поддержке, но без бюрократизации, опираясь на принципы самоорганизации, но не бесконтрольно. В ближайшие годы, очевидно, повысится роль Интернета в гуманитарных исследованиях. Это может потребовать и развития соответствующих направлений в деятельности Фонда. Наконец, РГНФ пора начать издавать свой Ежегодный отчет, как это принято во многих аналогичных зарубежных Фондах.

И еще одно замечание. По Уставу Фонда средствами гранта может распоряжаться только его получатель. Администрация учреждения, в котором трудится ученый, не имеет права расходовать средства гранта. Но из гранта отчисляются (кроме налогов) средства и за обслуживание гранта бухгалтерией упомянутого учреждения. При этом некоторые бухгалтерии создают искусственные трудности в выплате денег тем участникам гранта, которые работают не в учреждении, которому РГНФ перечислил общую сумму гранта. Думается, что можно было бы упростить систему: удостоенный гранта ученый должен получать его сумму непосредственно «из рук» Фонда, как это делается в зарубежных фондах. Все выплаты и отчисления налогов могла бы производить укрупненная и хорошо оснащенная современной техникой бухгалтерия Фонда.